

Оригинальная статья

УДК 94(470.341)

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.56-70>**«Золотую рыбку конфисковать... и сдать в музей»:
уездные дома-музеи Нижегородской
губернии в 1917–1922 годах****Н.А. Смолина***smolina.na@unn.ru**Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, 603022, Россия***Аннотация**

В статье на основе архивных материалов реконструирована история домов-музеев Нижегородской губернии от момента их организации в структуре губернских земских учреждений до конца первого послереволюционного пятилетия (1917–1922 гг.). С опорой на локальный метод раскрыты направления и результаты их деятельности, охарактеризованы непростые бытовые условия жизни заведующих домами-музеями, их отношения с местным сообществом. Прослеживается развитие музейной потребности нижегородского общества от первичного собирательства в направлении комплексов наглядных пособий, частных коллекций нижегородской аристократии, осознания музейной ценности объектов истории промышленности и рабочего класса. Сделан вывод о том, что дома-музеи, созданные или преобразованные под актуальные просветительские и политические задачи после Октября 1917 г., обладали признаками переходной формы от дореволюционного музейного учреждения к музею-просветкомбинату 30-х годов XX в.

Ключевые слова: дом-музей, народный дом, внешкольное образование, Нижегородская губерния, локальный метод, музейная потребность

Для цитирования: Смолина Н.А. «Золотую рыбку конфисковать... и сдать в музей»: уездные дома-музеи Нижегородской губернии в 1917–1922 годах // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2025. Т. 167, кн. 1. С. 56–70. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.56-70>.

Original article

<https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.56-70>

**“Goldfish to be confiscated and handed over to the museum...”:
House museums of the Nizhny Novgorod Governorate in 1917–1922**

N.A. Smolina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

smolina.na@unn.ru

Abstract

An archival study was performed on the history of house museums in the Nizhny Novgorod Governorate, starting from their establishment within the provincial zemstvo institutions through the end of the first five-year period following the October Revolution (1917–1922). Using a localized method, the directions and outcomes of their activities were analyzed, as well as the harsh living conditions faced by the museum directors and their interactions with the local community. The evolution of museum culture in the region was traced, from the early collecting practices to the growing significance of visual materials, private collections of the Nizhny Novgorod aristocracy, and the history of industrial and working-class development. The findings suggest that the house museums of Nizhny Novgorod, established or repurposed to align with the educational and political narratives of the post-revolutionary period, were transitional institutions, bridging pre-revolutionary museum traditions with the emerging educational museum complex of the 1930s.

Keywords: house museum, people’s house, extracurricular education, Nizhny Novgorod Governorate, localized method, need for museums

For citation: Smolina N.A. “Goldfish to be confiscated and handed over to the museum...”: House museums of the Nizhny Novgorod Governorate in 1917–1922. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2025, vol. 167, no. 1, pp. 56–70. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.56-70>. (In Russian)

Введение

Процессы и закономерности, определявшие музейное строительство в нашей стране в первые послереволюционные годы, до сих пор мало изучены, особенно на уровне губерний и уездов. Развиваясь, с одной стороны, в тесной связи с общим историко-культурным контекстом, обусловленным расцветом краеведческого движения, просветительства и педагогических методик, в одинаковых для всех условиях военных тягот, голода, разграблений и утрат выдающихся памятников, оно подчинялось и собственной внутренней логике, имело локальные особенности.

Исследование исторических фактов, относящихся к «узкому району», представляющему собой географическое, административное, хозяйственное или этническое образование; введение их в общий научный оборот с целью построения единой картины развития той или иной общественной сферы представляется плодотворным в рамках локального метода, описанного

в 20-х годах XX в. нижегородским (горьковским) историком С.И. Архангельским для ряда социально-экономических явлений (Арх., с. 194). Подобный подход, разрабатываемый нами в отношении истории музейного строительства в Нижегородской губернии, предполагает накопление эмпирического материала, затем его детальное и всеохватное изучение. Далее при объединении исследовательских усилий специалистов в данной области, представляющих разные регионы, открываются возможности для того, чтобы вывести поставленную проблему на уровень построения новых концептуальных моделей и пересмотра старых.

Сформированные на базе первично осознанной нижегородским обществом музейной потребности¹ в сохранении исторических, художественных, естественно-научных и других местных коллекций в 80–90-х годах XIX в., музеи г. Нижнего Новгорода и Нижегородской губернии на сломе исторических эпох двигались в своем развитии к осознанию музейной ценности носителей элементарных знаний о природе и обществе, национализированного имущества знати, чуть позднее – орудий и трофеев революционной борьбы. То был короткий период естественного музейного развития, когда просветительская работа и экспозиция музеев еще не «разговаривали» с посетителем лозунгами, а изучение родного края было объединяющим делом, призванным выявить местное своеобразие. Энтузиасты музейного дела из среды нижегородского духовенства и интеллигенции, проявившие себя в деле выявления и собирания древностей еще в дореволюционный период, продолжали стоять на страже сохранения памятников и в новую эпоху. Музейное дело стало в те годы поприщем и для молодежи, бежавшей из голодных столиц в поисках более сытой жизни и возможностей творческой реализации на принципах нового искусства, здесь же начинали проявлять активность большевистские кадры, через них в провинциальную уездную культуру проникали принципы репрезентации обобществленных ценностей и разноплановой просветительской работы.

Одной из главных особенностей музейной деятельности изучаемого периода стало расширение музейной сети за счет движения в уезды. «Зачаток» (терминология тех лет) музея стал массово появляться в уездных и волостных центрах, в отдельных селениях. Они возникали заново на волне национализации имущества местной знати либо имели под собой дореволюционную базу – коллекции земских учреждений, школ, народных домов. Значительная часть этих музейных учреждений существовала в виде домов-музеев, порожденных еще земской системой внешкольного образования.

Воплощая в себе один из основных девизов революционной эпохи – лозунг демократизации, игравший в духовной жизни народов России большую роль, внешкольное образование стало новым крупным общественным и культурным явлением жизни нашей страны конца XIX – начала XX в. [1, с. 28].

С учетом того, что главной целью внешкольного образования как самостоятельного направления в народном образовании называлось комплексное культурное развитие человека в аспектах умственном, нравственном, эстетическом и физическом, принципами его осуществления провозглашались следующие: *общественность* (активное участие населения в организации и работе внешкольных учреждений); *самостоятельность задач* (внешкольное образование не должно иметь подчиненного положения по отношению к школьному,

¹ Термин, введенный в научный оборот в 60-е годы XX в. музеологом Збынеком Странским и обозначающий специфическое отношение человека к действительности, проявляющееся в стремлении к собиранию и сохранению объектов природного и культурного наследия как истинных ценностей, не связанных с удовлетворением утилитарных потребностей.

для его осуществления необходимы специально организованные учреждения на уровне района², уезда и губернии); *общедоступность* (территориальная близость, доступное изложение информации для неподготовленных слушателей); *бесплатность*; *районная организация* (деление города и уезда на районы, в каждом из которых действует «ячейка» по внешкольному образованию, включающая различные формы его осуществления); *полнота ячеек* (качественный уровень организации и сочетание форм работы в каждой ячейке); *систематичность и планомерность* (учреждения должны действовать совместно, дополняя друг друга; материал излагается последовательно, от простого к сложному; тематика и периодичность занятий зависит от количества и интересов слушателей) (Мед., с. 14).

К внешкольным учреждениям относились народные дома и клубы, библиотеки, книжные склады, школы для взрослых различных типов (воскресные, повторительно-дополнительные, краткосрочные курсы, народные университеты), музеи, театр, кинематограф. Их формами работы были экскурсии, выставки, народные чтения и публичные лекции, издание популярных книг и брошюр, концерты, спортивные соревнования, народные праздники.

Музей утверждался в системе внешкольных учреждений поэтапно. Его возможности в сфере наглядного обучения были осмыслены во второй половине XIX в., когда повсеместно возникали образовательные музеи при учебных заведениях, педагогические и детские музеи, имевшие показательную (постоянную экспозицию) и подвижную (временные выставки) части, состоявшие из книг, методических и наглядных пособий, предназначенных для осмотра посетителями и рассылки по учебным заведениям.

Лишь в 10-х годах XX в. музей стали признавать самостоятельным внешкольным учреждением, служащим в качестве иллюстрации для прочитанных книг и прослушанных лекций, обеспечивающим наглядность при проведении уроков. Музеи на местах назывались зеркалом, «которое стремится отразить в себе по возможности всю природу, историю, жизнь, природные богатства и промышленность края, являясь в то же время одним из вернейших показателей степени культурности края» (Мед., с. 272). Кроме того, уже тогда за ними признавалась миссия воспитания в народе «самосознания и самоуважения» и, как следствие, патриотических чувств.

В системе внешкольного образования музеи могли быть как частью народного дома, так и самостоятельным учреждением. Их называли «дом-музей», «музей-библиотека», «народный дом-музей».

Структура уездного дома-музея мыслилась универсальной для любой местности и предполагала следующие отделы: 1) география и этнография края (планы городов и селений; диаграммы и картограммы, картины, фотографии, коллекции и модели, иллюстрирующие состав населения и его занятия, обычаи, обряды и т. п.); 2) история края (карты, старинные гравюры, картины, модели городов, снимки с памятников старины, предметы из раскопок и т. п.); 3) геология и минералогия (образцы почв и минералов, геологические материалы); 4) местная флора и фауна (гербарии, коллекции семян, чучела, скелеты, биологические препараты, карты распространения лесов и болот и т. п.); 5) климатологический отдел; 6) экономический отдел (Мед., с. 273). Подвижная часть коллекций музея, наглядных пособий, проекционных «волшебных фонарей» и световых картин была предназначена для рассылки в более мелкие точки для использования на лекциях, чтениях, выставках. Для организации художественных выставок дома-музеи имели наборы репродукций полотен известных мастеров, а также копии скульптурных произведений.

² Район здесь и далее понимается как часть города, в уезде – в границах волостей.

Несмотря на преобладание в коллекции стандартных наглядных пособий и доминирование просветительной функции, в домах-музеях практиковались и традиционные формы музейной работы: инвентаризация и шифровка фондового собрания (ведение инвентаризационных описей, снабжение экспонатов ярлычками), организация выставок и экскурсий по экспозиции, образовательных «экскурсий-прогулок» по природным объектам, достопримечательным местам, фабрикам и заводам.

Сеть домов-музеев должна была строиться по принципу «район – уезд – губерния», где уездный музей курировал работу районных и сельских, а губернский дом-музей являлся головным для уездных, обеспечивая методическую помощь, закупку и рассылку пособий и инвентаря, проведение обучающих курсов и съездов.

Результаты и обсуждение

Организация подобных учреждений в большинстве случаев входила в сферу деятельности земств. Нижегородское губернское земство заявило о создании системы внешкольного образования в 1910 г. В докладах земской управы звучали предложения об учреждении «центрального земского педагогического музея», имеющего в своем составе показательную часть, лабораторию, мастерскую и подвижную часть. Кроме того, предполагалось в каждом уезде создать свою организацию по внешкольному образованию с народным домом-музеем в центре (Цен.пед.муз., с. 2).

На заседании губернского земского собрания 16 мая 1911 г. было намечено в течение 10–11 лет устроить в каждом из 11 уездов по одному «музею-библиотеке», который «будет служить центром систематического распространения среди населения уезда внешкольного образования общего, сельскохозяйственного и ремесленно-технического посредством передвижных лекций-выставок и передвижных библиотек» (Шк.-стр.ф., с. 33). Обеспечение наглядными пособиями уездных и районных учебных заведений, проведение выездных лекций и курсов для взрослых взял на себя земский музей наглядных пособий, открывшийся в Нижнем Новгороде 1 марта 1912 г. в здании Братства св. Георгия на ул. Малой Печерской при земском книжном складе [2, с. 252–260].

В июле 1911 г. земская управа разослала в уезды свой доклад с приложением эскизных чертежей двух зданий и смет на их содержание. Было решено в 1912 г. начать строительство домов-музеев в Лукояновском (г. Починки) и Сергачском (г. Сергач) уездах (Шк.-стр.ф., с. 37). В 1916 г. планировалось приступить к постройке народного дома-музея в Васильском уезде, а также в селах Богородском, Павлове и Ворсме Горбатовского уезда (Мал.).

В 1912–1915 гг. народные дома-музеи в уездах Нижегородской губернии устраивались также кооперативами (кредитными товариществами) и уездными отделениями Общества распространения начального образования.

История домов-музеев в каждом уезде складывалась по-разному. Можно привести в качестве примера этап поиска помещения. 15 января 1916 г. в г. Семенове состоялось совещание представителей уездного комитета попечительства о народной трезвости, губернской и уездной земских управ по вопросу строительства здания для уездного дома-музея и народного дома. Была составлена смета, выбран участок под строительство. Однако оно, по-видимому, не осуществилось и помещение пришлось нанять: 1 сентября 1916 г. губернская земская управа заключила договор о найме с мещанином г. Семенова М.Т. Малышевым, арендовав верхний этаж его дома на Соборной площади (ЦАНО.Р-120.1, д. 27, л. 104). Подобным же образом были найдены помещения для домов-музеев Горбатовского и Луко-

яновского уездов: 20 декабря 1916 г. земство арендовало дом крестьянина А.В. Варыпаева в с. Павлове на Спасской ул., недалеко от Троицкой церкви (ЦАНО.Р-120.1, д. 2, л. 109), а 30 января 1917 г. – дом крестьянина И.И. Лаврова в г. Лукоянове на Соборной площади (ЦАНО.Р-120.1, д. 34, л. 12).

С ноября 1916 г. началась работа по организации дома-музея в с. Спасском Васильского уезда, который открылся 27 июня 1917 г. (ЦАНО.Р-120.1, д. 1, л. 11). Его заведующим стал известный в губернии общественный и партийный деятель М.Н. Сеславинский.

В марте 1917 г. члены-учредители городецкой бесплатной народной библиотеки-читальни (с. Городец Балахнинского уезда) приняли решение безвозмездно уступить в собственность губернского земства ее двухэтажное здание для устройства Балахнинского уездного дома-музея (ЦАНО.Р-120.1, д. 33, л. 29).

Основной формой работы домов-музеев в мае – октябре 1917 г. стало проведение бесед на политические темы с жителями деревень и районных центров. Крестьянство было недовольно введением хлебной монополии, необходимостью кормить «фабричников» за счет деревни, отсутствием свободной торговли, затянувшейся войной. В беседах заведующей Лукояновским домом-музеем О.П. Рубцовой большой интерес вызывали программы различных политических партий, особенно решение земельного вопроса, история революционного движения, установление восьмичасового рабочего дня, часто звучали просьбы разъяснить значение понятий, например «социализация и национализация земли», «коалиционное министерство», «аннексия» и «контрибуция» (ЦАНО.Р-120.1, д. 34, л. 35). При обсуждении Учредительного собрания и того, какое правление оно должно установить, лукояновцы высказывались за демократическую республику с президентом на три года: «Никакого царя не нужно, достаточно потерпели от него. Нам “трехгодовалого”, сиречь президента» (ЦАНО.Р-120.1, д. 34, л. 46).

Отчеты заведующей Горбатовским домом-музеем в с. Павлове В.П. Малиновской за август – октябрь 1917 г. также являются источником для изучения экономического состояния и политических настроений деревни, организации выборов в волостные и уездные земства. В начале осени голода еще не чувствовалось. Крестьяне сел, занятых лесным промыслом и потому более зажиточных, имели достаточные запасы хлеба; остальные – в основном «сыты, но требуют “калабанов”, т. е. пшеничного хлеба» (ЦАНО.Р-120.1, д. 2, л. 6). Случалось, что староста одной из деревень, громче всех кричавший о голоде, через некоторое время приглашал В.П. Малиновскую пить чай, с бахвальством заявляя: «Что у нас, хлеба что ли нету? Што хошь – иди откушай» (ЦАНО.Р-120.1, д. 2, л. 5).

В.П. Малиновская посетила 12 волостей и 22 селения Горбатовского уезда, проводя беседы не только о задачах волостных земств, но и о технике выборов, о значении выборной системы вообще. Вывод был сделан неутешительный: «Введение волостного земства, вследствие полного непонимания его значения, не только не приветствовалось населением, но наоборот – наблюдался или полный индифферентизм, или злоба и боязнь всяких новшеств хотя бы уже по той причине, что крестьянство видит колоссальные расходы на комитеты всех видов...» (ЦАНО.Р-120.1, д. 2, л. 30).

Народ категорически отказывался принимать участие в выборах, всячески противодействовал составлению списков избирателей и кандидатов, в отличие от лукояновцев, выступая за возвращение царских порядков: «Не надо нам ваших новшеств, перевешать вас всех надо и правительство из каких-то проходимцев и земство-то... порядка нам нужно, а без царя его не увидишь» (ЦАНО.Р-120.1, д. 2, л. 30). Не вызвало сочувствия и предоставление

избирательных прав лицам женского пола: достигшие возрастного ценза в 20 лет девушки записывали себя как 17–18-летних, чтобы не попасть в списки: «...а то, слышь, печать анти-христову наложат или на войну заберут» (ЦАНО.Р-120.1, д. 2, л. 30).

Большая путаница происходила на этапе составления списков кандидатов, когда наряду с мажоритарной системой была разрешена пропорциональная. В результате получилась своя собственная – «порционная» – система, при которой «нужно чтоб от каждой деревни обязательно прошли свои, не считаясь с качествами и способностями кандидатов» (ЦАНО.Р-120.1, д. 2, л. 31). Но было и по-другому: в первую очередь в списках оказывались лица, угодные не народу, а председателю избирательной комиссии. В некоторых волостях крестьяне, обнаружив в списках нежелательные фамилии, поднимали шум и срывали выборы.

Кроме ведения политико-просветительных бесед, заведующие пытались наладить работу и других форм внешкольного образования. М.Н. Сеславинский занимался созданием библиотечной сети в уезде, вел вечерние занятия для взрослых, народные чтения с «волшебным фонарем» и световыми картинами, выступал на районных совещаниях учителей с предложениями о совместной работе со взрослыми. При содействии уездного дома-музея в Троицком районе Васильского уезда было решено организовать передвижную выставку на тему «Наша Родина прежде и теперь», состоялись спектакли в с. Русском Маклакове (пьеса Л.Н. Толстого «От нея все качества») и в д. Малиновке (драма В.Ф. Евдокимова «Непогребенные»). О.П. Рубцовой удалось собрать в Лукоянове Союз интеллигенции из учительского актива, который занимался устройством детских яслей и беседами с крестьянством, к дому-музею была присоединена библиотека им. В.Г. Короленко, основанная в Лукоянове в конце 90-х годов XIX в. при участии писателя.

Уездные дома-музеи стали той организационной формой, которая перешагнула революционный рубеж Октября 1917 г. и нашла себе место среди просветительных учреждений первых послереволюционных лет. Идеи синтетичности музейного собрания и доминирования просветительных функций музейной работы декларировались сверху и нашли поддержку у профессионального сообщества. Нарком просвещения А.В. Луначарский, выступая на Первой Всероссийской музейной конференции в Петрограде в феврале 1919 г., говорил о том, что «народовластие стоит перед задачей овладеть знанием, без которого обладание орудиями производства опасно, а обладание богатствами – бесполезно» [3, с. 117]. Относительно структуры музейных учреждений он рекомендовал всем придерживаться деления, которое было характерно для образовательного типа музеев, на две части: «музей-хранилище – фонд и музей-выставку, носящую временный характер и представляющую небольшие избранные крайне систематизированные коллекции» [3, с. 118].

Признавалось, что музеи должны быть как специальные, так и синтетические, не переходящие, однако, в формат «всеобъемлющего паноптикума», способного «раздавить» всякого зрителя. От крупного центрального до маленького школьного «музеи должны становиться все более синтетичными» [3, с. 118].

Уже в 1918–1919 гг. уездными Советами рабочих и крестьянских депутатов Нижегородской губернии стали создаваться дома-музеи в Ардатовском (г. Ардатов), Арзамасском (г. Арзамас), Воскресенском (с. Воскресенское) и Княгининском (г. Княгинино) уездах. Созданием макарьевского уездного дома-музея в с. Лыскове занимался губернский отдел народного образования.

В 1919 г. были организованы дома-музеи в Нижегородском (с. Дальнее Константиново), Сергачском (г. Сергач) и Ардатовском (с. Выкса) уездах, районный дом-музей в с. Растя-

пине. В 1920 г. дом-музей появился в Васильсурском уезде (г. Васильсурск), в 1921 г. – в Починковском уезде (г. Починки).

Для руководства работой уездных учреждений осенью 1918 г. в Нижнем Новгороде начал создаваться губернский дом-музей. Учебные пособия для него закупались у московских фирм «Гроссман и Кнебель», «Природа и школа», в кустарном торгово-промышленном музее, в фондовое собрание вошли также предметы из Педагогического музея при дирекции народных училищ (открыт в 1897 г.) и земского музея наглядных пособий (1912 г.) (ЦАНО.Р-1684, д. 69, л. 55). Дом-музей располагал двумя помещениями: на ул. Жуковской, 16 и на ул. Тихоновской, 58. Однако неясно, как были распределены его отделы. Заведовал им зоолог, преподаватель Нижегородского госуниверситета (НГУ) и пединститута А.А. Скворцов, его помощником стал также естествовик, преподаватель НГУ, специалист в области ботаники Д.С. Аверкиев.

Структура музея мыслилась по известной схеме: стационарная (показательная) экспозиция и подвижной отдел, лаборатории для занятий, аудитории для чтения лекций и ведения бесед, мастерские по ручному труду, библиотека, склад диапозитивов, фонарей и кинолент, выдаваемых в пользование уездным учреждениям, мастерская по изготовлению пособий. Только за август 1921 г. домом-музеем было выдано: диапозитивов – 388, «волшебных фонарей» – 3, рамок – 4, таблиц – 7; пособиями пользовались 4 лектора, детский пункт и губполитпросвет. С 1 октября 1921 г. дом-музей был переведен в педагогический институт, став частью его политико-просветительного отделения.

Дома-музеи, открытые в уездах в 1917–1921 гг., носили характер общеобразовательных, поэтому основу музейного собрания составляли наглядные пособия, учебные таблицы, атласы и альбомы по анатомии человека и животных, ботанике, зоологии; образцы полезных ископаемых и минералов; чучела и скелеты птиц, коллекции насекомых; таблицы и модели приспособлений для обработки разных видов древесины, хлопка, кожи, стекла, добычи нефти и переработки торфа; пчеловодства, огородничества, гончарства; комплекты световых картин разной тематики; физические приборы и пособия для производства опытов; «волшебные фонари», стереоскопы и кинематографические аппараты. В собрание подобных музеев входили также пособия для изучения истории искусств: альбомы по живописи и рисунку, наборы открыток, каталоги выставок, репродукции полотен известных зарубежных и отечественных мастеров.

Помимо универсального для всех набора пособий, в домах-музеях присутствовал и местный материал. Это были карты и таблицы по естественной истории и кустарным производствам Нижегородской губернии, кости мамонтов и окаменелости, а также предметы старины из национализированных собраний уездных помещичьих усадеб (мебель, посуда, оружие, монеты, фарфор, бронза и т. п.). Есть также сведения о том, что в фондах домов-музеев оказывались коллекции наглядных пособий из музеев педагогического характера, созданных еще до революции при уездных земствах (Воскресенском, Лысковском, Ардатовском).

Разумеется, наиболее ценные памятники древности и произведения искусства из коллекций знати выявлялись эмиссарами нижегородского комитета по делам музеев и охране памятников искусства и старины (губмузея) и вывозились из уездов в Нижний Новгород [4]. Несмотря на стягивание всего ценного в губернский центр, названный процесс не носил характера зачистки. В первые послереволюционные годы еще была надежда на достаточное финансирование музейной работы, в связи с чем перемещение ценностей осуществлялось по принципу сохранения в местных музеях того, что имеет значение для данной территории.

При домах-музеях нередко существовали богатые библиотеки и собрания архивных документов. Например, в Ардатовский дом-музей поступило книжное собрание князей Звенигородских, содержавшее русские и иностранные журналы, книги хозяйственного и научного содержания, книги и рукописи XVII–XVIII вв. В лысковском музее, помимо библиотеки, хранились архивы вотчины князей Грузинских и других поместий уезда, лысковского уездного духовного училища, макарьевского уездного училищного совета, в княгининском – рукописные церковные книги XV–XVI вв. из библиотеки при Покровской старообрядческой церкви с. Большого Мурашкина.

Городецкий дом-музей стал обладателем частных собраний выдающихся коллекционеров купцов-старообрядцев Г.М. Прянишникова и П.А. Овчинникова, включавших в себя писанные и меднолитые иконы, украшенные богатыми окладами, рукописные и старопечатные книги, церковную утварь, нумизматику. После революции они подверглись реквизиции и некоторое время находились в доме-музее на хранении, не будучи предъявленными публике. Уездные власти Городца осознавали их уникальное «местное значение» и долгое время препятствовали распылению (ЦАНО.Р-1684, д. 43, л. 104). Однако необходимость их изучения и публичного представления привела к тому, что часть коллекций была вывезена в московский Румянцевский музей и Нижегородский художественный музей.

В пополнении коллекций уездных домов-музеев содействие оказывали губернские и уездные органы власти. Подчас это выглядело чересчур топорно и наивно. Так, народный суд, приговоривший к тюремному заключению и конфискации имущества жителя с. Лыскова, в вещах которого обнаружилась золотая рыбка в аквариуме, постановил: «Имеющуюся золотую рыбку, находящуюся в стеклянной банке, конфисковать и сдать в музей» (ЦАНО.Р-1684, д. 53, л. 6).

Окаменелости и предметы из раскопок приносились местными жителями, интересные виды животных – охотниками-любителями, книги и рукописи – учителями. Многое зависело и от личности заведующего музеем: при достаточном уровне образования он организовывал экскурсии на природу и по достопримечательным местам, откуда в музей привозились гербарии, образцы полезных ископаемых, птичьи яйца и гнезда, фотоснимки и зарисовки старинной архитектуры. Особенно активно, с привлечением местных учительских сил, подобной работой в то время занимались В.И. Малиновский, заведующий Лысковским домом-музеем, и Н.П. Гладышев, заведующий Княгининским домом-музеем. В.И. Малиновский пытался устроить при музее метеостанцию, ботанический сад, организовал кружок по изучению местного края из школьных учителей и служащих.

Н.П. Гладышев собирал не только естественноисторические коллекции, но и образцы местной духовной и материальной культуры. К этой работе он привлекал представителей духовенства, старожилов, призывая их записывать воспоминания о значимых событиях прошлого, вести летопись княгининского края (ЦАНО.Р-1684, д. 42, л. 85). Сам он занимался историей с. Большого Мурашкина, разбирал архив волостного правления, просматривал писцовые книги при бывшем Спасо-Преображенском монастыре.

Испытывая потребность в методических указаниях по музейной работе, Н.П. Гладышев в 1922 г. обратился с письмом к А.Я. Садовскому – председателю Нижегородской археолого-этнологической комиссии (НАЭК) и директору Нижегородского отделения Московского археологического института. Говоря о том, как уездным музейным деятелям сложно работать без подготовки, заведующий обнаружил понимание того, что в настоящих условиях развития краеведческого движения жизнеспособным мог быть только музей, занимающий-

ся изучением местного края. Не имея для этого экспонатов и профессиональных знаний, заведующий сознавался, что «приходится делать подлоги. Именно: чувствуя бессилие работать в музее местного края, каковым является княгининский уездный музей, я стараюсь обратить его в общеобразовательный – в народную выставку» (ЦАНО.993, д. 1, л. 98). В заключение письма Н.П. Гладышев сетовал: «Живем здесь точно на Камчатке – оторваны от всего культурного мира» (ЦАНО.993, д. 1, л. 98 об.) – и просил А.Я. Садовского снабдить провинциальных коллег стенограммами лекций, которые читаются в археологическом институте, и текстами докладов, звучавших на заседаниях НАЭК.

Основным видом просветительной деятельности уездных домов-музеев в 1918–1921 гг. были предоставление волостным и сельским культурно-просветительным ячейкам наглядных пособий, помощь в организации на местах библиотек, школ для взрослых, театральных постановок. Заведующий музеем также должен был проводить экскурсии по стационарной экспозиции, составлять справки по запросам. Дома-музеи посещались как местными жителями, учащимися, так и приезжими гостями. Число посетителей Лысковского дома-музея в 1922 г. составило 244 чел. (ЦАНО.Р-1684, д. 53, л. 5 об.), за 1920–1921 гг. Васильсурский дом-музей принял 105 одиночных посетителей и 23 экскурсии с участием почти 500 экскурсантов (ЦАНО.Р-1684, д. 42, л. 17), Княгининский дом-музей в 1920 г. посетили 1490 чел., в 1921 г. – 1348 чел. (ЦАНО.Р-1684, д. 42, л. 84 об.), Воскресенский дом-музей посещали до 20 человек в месяц (ЦАНО.Р-1684, д. 42, л. 79).

Дома-музеи занимались также организацией обучающих курсов и совещаний для учителей и внешкольных работников. В январе 1919 г. в с. Ардатове состоялись курсы-съезд для учителей и работников культпросвета, на которых читали лекции преподаватели Нижегородского университета, осенью 1918 г. в с. Городце были организованы педагогические курсы по лепке и рисованию для учителей начального училища Городецкого района, множество совещаний с представителями Советов бедноты и местными активистами проводилось в волостях.

Театральные постановки с участием местных талантов считались наиболее доступной и эффективной формой культурно-просветительной работы на селе, в которой бывали задействованы десятки человек. Дома-музеи руководили и этой работой. Так, М.Н. Сеславинский писал: «Спектакли ставятся в самых глухих деревушках, где даже нет еще культурно-просветительных обществ. Дом-музей буквально осаждается просьбами выдать пьесы, грим и парики. Небольшая театральная библиотечка дома-музея (не более 100 пьес), имеющиеся в его распоряжении 10 париков и две коробки грима, конечно, не могут удовлетворить нужды уезда» (ЦАНО.Р-120.1, д. 1, л. 71).

Некоторые дома-музеи имели в своем штате инструкторов по театральному делу. Например, в Лукоянове служил выпускник мастерской графических искусств Строгановского училища, артист, декоратор и гример А.В. Свешников, в Растяпине – артист С.А. Доленго-Горенкин, выпускник театральных классов Московской консерватории, бывший артист Московского Театра Корша, в Семенове – Л.И. Виземан, выпускница курсов артиста Московского Художественного театра А.И. Адашева.

Во все времена музейное дело держалось на личностном начале. И рассматриваемый период – не исключение. Наиболее активными заведующими в тот период были упомянутые выше образованный партиец М.Н. Сеславинский (с. Спасское); В.П. Малиновская (с. Павлово), арестованная в 1918 г. ЧК как монархистка и контрреволюционерка; выпускник духовной семинарии В.И. Малиновский (г. Лысково); учитель Н.П. Гладышев (г. Княги-

нино). Домом-музеем в с. Васильсурске в 1920–1921 гг. заведовал выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества, нижегородский художник Д.И. Хмельницкий, Городецким с 1920 г. – талантливый книжный иллюстратор И.Г. Блинов, Воскресенским в 1920–1922 гг. – Е.А. Костылева, супруга известного в будущем писателя, лауреата Государственной премии СССР В.И. Костылева, занимавшегося тогда журналистской работой в с. Воскресенском. В Лукояновском доме-музее в 1918 г. работал талантливый педагог и методист З.И. Бахарев – автор статьи «Музей местной природы при начальной школе» (1913) и брошюры «Уездный музей, его задачи» (1919). Губернским отделом народного образования в 1917–1920 гг. также руководил незаурядный человек – известный российский и советский педагог Е.Н. Медынский.

Музейная работа протекала в сложных бытовых условиях. Некоторые музеи ютились в непригодных помещениях, которые зимой не отапливались; терпели притеснения либо часто переезжали, что негативно сказывалось на их работе. Исключением здесь является Городецкий дом-музей: в 1919 г. музей, библиотека, читальня и канцелярия из народного дома переехали в особняк купца И.П. Облаева на ул. Ленинской (бывшей Купеческой), где краеведческий музей расположен по сей день.

Размещались дома-музеи чаще всего в бывших владельческих домах: в разное время под дома-музеи были отведены дом Варыпаева и дом Теребина в Павлове, усадьба Стогова в Лыскове, дом Крашенинникова в Ардатове, дом Большухина и дом Левашова в Васильсурске, дом Горинова в Семенове, дом Лаврова в Лукоянове и др. – либо в помещениях общественных учреждений: клубов, народных домов, бывших гимназий; делили площади с уездными органами власти.

Уездные дома-музеи финансировались крайне нерегулярно, что особенно сказывалось на материальном положении заведующих. Жизнь в провинции была далека от того, чтобы называться сытой и дешевой. В ноябре 1917 г. В.П. Малиновская писала в губоно, что «в Павлове тяжело в смысле продовольствия – черный хлеб 90 коп. фунт и то не всегда можно достать, муки, сахару и чаю тоже не всегда, следовательно, кроме мяса и картошки – продуктов никаких» (ЦАНО.Р-120.1, д. 2, л. 34). Зарплату заведующим и служащим домов-музеев задерживали по 1–3 месяца, паек им был не положен, некоторые тяжело болели от недоедания, признавались в отсутствии сил заниматься переездом и размещением музея на новом месте, проводить выездные лекции и беседы.

Заведующий Павловским домом-музеем К.А. Сметанин в ноябре 1918 г. просил о переводе в Нижний Новгород: «...есть хоть маленькая надежда, что буду сытым» (ЦАНО.Р-120.1, д. 2, л. 88); театральный инструктор С.А. Доленго-Горенкин в июне 1919 г. выразил желание переехать в другой уезд: «Вследствие тяжелого продовольственного кризиса и упадка сил и энергии покорнейше прошу Вас не отказать дать свое согласие на перевод меня в более лучшие условия другого уезда в смысле продовольствия» (ЦАНО.Р-120.1, д. 2, л. 127). Помощник заведующего Княгининским домом-музеем А.А. Островский в заявлении об оставлении места службы с 1 августа 1919 г. ссылаясь на семейные причины – болезнь жены, перенесшей плеврит и воспаление легких, а также предстоящие роды, которые требовали от отца создать для матери и ребенка более благоприятную обстановку.

Заведующий Васильсурским домом-музеем Д.И. Хмельницкий писал в ноябре 1921 г. в губмузей: «Моя комната вся в окнах, и я от холода едва могу работать и писать. Ни пайка, ни жалованья как заведывающий музеем, так и вновь поступивший технический работник

не получают. Положение музея и служащих очень затруднительное и почти безвыходное» (ЦАНО.Р-1684. д. 42, л. 41).

Поначалу земство пыталось разъяснить музейщикам условия момента, настроить их ждать лучшего вместе с остальными. В делопроизводстве Павловского дома-музея сохранилось несколько писем Е.Н. Медынского, в которых он признавался заведующей в бессилии изменить положение: «Могу Вас уверить, что мне может быть в 20 раз больше разруха земства и его просветительской работы, но я столько же могу сделать, сколько и вы, в смысле добывания средств. Простите, но это или непонимание положения, или сознательное желание свалить отсутствие средств с больной головы на здоровую» (ЦАНО.Р-120.1, д. 2, л. 37).

Мало что губернский центр мог сделать и для отстаивания права дома-музея на существование, серьезного отношения к учреждению со стороны местных влиятельных лиц. В конце 1918 г. заведующий Княгининским домом-музеем А.П. Ковалев, столкнувшись с неуважением, запугиванием и откровенным хамством в свой адрес со стороны уездных исполкома и отдела образования, вместе с заявлением об увольнении писал заведующей коллегией по внешкольному образованию губоно Е.Н. Ванеевой: «Я работаю 15 лет и так не устал как за 4 месяца в музее. Такого отношения местной власти в лице с исполкомом и местного отдела по просвещению к просветительным учреждениям и их работникам не было даже при царизме... Сначала была вера на помощь из центра, но пришлось ошибиться. Сколько ни писалось, сколько ни говорилось и даже телеграфировалось, на все отвечали молчанием» (ЦАНО.Р-120.2, д. 213, л. 69).

В местных органах власти приехавший в Княгинино летом 1918 г. А.П. Ковалев встретил людей с явно антибольшевистскими взглядами, в местном населении – надежду на скорое наступление чехословаков, несущих свободу от советской власти. Заведующий музеем стал участником ряда конфликтов с членами уездного исполкома и военным комиссаром Бондаровским, которые позволили своим подчиненным самовольно занять помещение дома-музея под спектакль, после которого устроили потасовку со стрельбой, попортили мебель и оборудование, оставили грязь и испражнения. Справедливого наказания нельзя было добиться и в милиции, которая покрывала высокие чины. Пытаясь очернить заведующего, говорили, что он препятствовал празднованию 15 сентября освобождения г. Казани и что «нисколько не заботится об устройстве дома-музея и живет от публики замкнуто. Публика не знает о существовании дома-музея, и доступ в него публике закрыт» (ЦАНО.Р-120.2, д. 213, л. 67). В итоге дом-музей лишился помещения и вскоре был переведен в с. Большое Мурашкино.

Заключение и перспективы исследования

Однако, несмотря на трудности, период с 1917 по 1922 г. можно назвать «золотой» музейной пятилеткой в Нижегородской губернии. В уездах было создано более 15 музеев, которые сберегали ставшие народными художественные и исторические памятники из помещичьих коллекций, проводили просветительную и научную работу. Финансово музейное строительство поддерживалось, пусть и с перебоями, напрямую государством.

Однако в 1922 г. ситуация изменилась. Финансовая политика эпохи НЭПа носила ортодоксальный характер и предполагала сокращение финансирования социальной сферы, в том числе и учреждений культуры. Большинство музеев было переведено на местный бюджет. Штаты и сеть местных музеев, находившихся на государственном бюджете, в 1922 г. несколько раз сокращались. В ноябре 1921 г. в провинции на государственном бюджете числилось 34 музея (со штатом в 2000 человек), 1 января 1922 г. – 155 музеев (со штатом в 942 человека) и 1 июля 1922 г. – 131 музей (со штатом в 622 человека) [5, с. 15].

В начале 1922 г. выяснилось, что для музеев Нижегородской губернии отпущен 21 денежный паек. Из уездных музеев решили оставить на государственном снабжении наиболее крупные и жизнеспособные – в с. Юрине Васильсурского уезда, а также в Городце, Лыскове и Княгинине, установив следующие их штаты: по два человека в Юрине, Городце и Лыскове и один – в княгининском. Остальные 14 пайков распределялись между городскими музеями Нижнего Новгорода (ЦАНО.Р-1684, д. 48, л. 29, 29 об.).

Большая часть уездных домов-музеев вскоре была ликвидирована, их коллекции влились в более крупные музеи или были отданы в учебные заведения. Судьба большинства экспонатов осталась неизвестной. Несмотря на это, целый ряд современных районных музеев Нижегородской области имеет в своих собраниях предметы дореволюционной эпохи и 20-х годов XX в.

При ликвидации домов-музеев в 20-е годы XX в. дело было не только в финансировании. Менялся сам взгляд на уездные музеи, призванные находиться в тесной связи с хозяйственными и партийными органами по изучению местных производительных сил.

Интересно отметить, что активность музейного строительства на местах в рассматриваемый период оказалась напрямую связана с экономическим контекстом. Получившие новый импульс развития промышленные центры губернии – Павлово (обработка металла), Богородск (кожевенное производство), Балахна (бумкомбинат) – при создании музеев пытались проследить в том числе и свою производственную историю. Схожие процессы происходили в дореволюционную эпоху: в местах развития кустарных производств (Семенов, Павлово, Ворсма, Выкса и др.) фабриканты раньше других осознавали важность сохранения образцов своих изделий, возможность их демонстрации в музее для потенциальных потребителей.

В 1922 г., когда Ветлужский уезд перешел из Костромской в Нижегородскую губернию, число нижегородских музеев пополнил созданный еще в 1918 г. музей г. Ветлуги. В 1923 г. при ликвидации Княгининского уезда был ликвидирован и уездный музей, его коллекции пополнили собрание лысковского музея (ЦАНО.Р-1684, д. 67, л. 41 а). В том же году музей из с. Юрина был эвакуирован в Нижний Новгород и влился в собрание художественного и исторического музеев. 15 апреля 1923 г. был открыт музей местного края при Рабочем клубе им. Профинтерна г. Богородска Павловского уезда (ЦАНО.Р-1684, д. 52, л. 65). Таким образом, на 1924 г. по Нижегородской губернии числилось четыре музея – в Ветлуге, Лыскове, Городце и Богородске. В 1927 г. к ним присоединился активно развивающийся музей г. Балахны.

История уездных домов-музеев Нижегородской губернии, возникших в первой четверти XX в., рассмотренная с опорой на локальный метод, дает возможность сделать выводы об особенностях переходного этапа нижегородского музейного строительства: музей был признан полноправным участником системы внешкольного образования и воспитания, организатором краеведческой работы; первичная музейная потребность в сохранении памятников прошлого, осознанная в середине XIX в., распространилась под влиянием исторического момента на обстановку дворцов и коллекции знати как народное достояние, на артефакты из современной истории промышленного производства и рабочего класса; в музейной работе доминировали просветительные формы (передвижные выставки, тематические лекции и чтения, экскурсии), что прослеживалось и в самом названии «дом-музей». Это создало предпосылки для перехода к более строгим по структуре и составу фондов краеведческим музеям 30-х годов XX в. с функциями культпросветкомбинатов. Дальнейшее изучение

деятельности музейных учреждений раннесоветской эпохи не только обогатит историю музейного строительства в районных центрах Нижегородской области, но и позволит лучше понять особенности революционного этапа в истории музейного дела страны.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

Источники

- Арх. – *Архангельский С.И.* Локальный метод в исторической науке // Краеведение. 1927. № 2. С. 181–194.
- Мед. – *Медынский Е.Н.* Внешкольное образование, его значение, организация и техника. М.: Наука, 1916. VIII, 327 с.
- Цен.пед.муз. – О центральном педагогическом музее губернского земства с лабораторией и мастерской наглядных пособий. Доклад Губернской земской управы XLVI очередному Нижегородскому губернскому земскому собранию. Н. Новгород: Тип. Г.С. Искольдского, 1910. 36 с.
- Шк.-стр.ф. – Об обращении школьно-строительного фонда губернского земства на устройство уездных музеев-библиотек (народных домов) и о сооружении в 1912 году двух первых зданий в Сергачском и Лукояновском уездах. Доклад Губернской земской управы XLVII очередному Нижегородскому губернскому земскому собранию. Н. Новгород, 1911. 38 с.
- Мал. – *Малиновский Н.* Народные дома и районная организация внешкольного образования в Нижегородской губернии // Нижегородская земская газета. 1915. 28 мая. (№ 20).
- ЦАНО.Р-120.1 – Центральный архив Нижегородской области. Ф. Р-120. Оп. 1. Д. 1: Отчет о деятельности Васильского дома-музея и переписка по личному составу, о работе, обследованию культурно-просветительных кружков и финансовым вопросам. 155 л; Д. 2: Отчет о деятельности Горбатовского, Павловского домов-музеев и переписка по личному составу. 198 л; Д. 27: Дело об организации народного дома и дома-музея в г. Семенове (имеются документы за 1915–1916 гг.). 330 л; Д. 33: Переписка с Балахнинским домом-музеем об открытии и передаче Городецкого дома-музея в ведение Балахнинского отдела народного образования, национализации библиотек, отчет о деятельности Городецкой библиотеки за 1907 г. и протоколы собраний учредителей и читателей библиотеки (в деле имеются документы с 1913 г.). 224 л; Д. 34: Переписка с Лукояновским домом-музеем о передаче музея в ведение уездных отделов народного образования, по личному составу, финансовым вопросам и ведомости на жалование лекторам вечерних курсов и сторожам. 246 л.
- ЦАНО.Р-120.2 – Центральный архив Нижегородской области, Ф. Р-120. Оп. 2. Д. 213: Отчеты о деятельности Княгининского дома-музея, переписка с ним об открытии библиотеки, личному составу, финансовым вопросам и ведомости на жалование служащим музея. 173 л.
- ЦАНО.Р-1684 – Центральный архив Нижегородской области. Ф. Р-1684. Оп. 1. Д. 42: Отчеты о состоянии уездных музеев, описи художественного имущества уездных музеев и переписка об организации работы на местах (1921–1922 гг.). 127 л; Д. 43: Переписка по работе уездных музеев и охране памятников искусства и старины (1921–1922 гг.). 196 л; Д. 48: Протоколы заседания коллегии Губмузея. 1922 г. 66 л; Д. 52: Материалы по реорганизации исторического музея – протоколы комиссии по реорганизации, план перестройки и переписка по этому вопросу (1923 г.). 16 л; Д. 53: Сведения о работе уездных музеев и переписка по организации и хозяйственным вопросам (1923 г.). 67 л; Д. 67: Переписка с уездными музеями по организационным и административным вопросам. Опись предметов, хранящихся в Лысковском музее (1924, 1925 гг.). 74 л; Д. 69: Переписка с уездными музеями по административным и организационным вопросам. 1924–1925 гг. 78 л.
- ЦАНО.993 – Центральный архив Нижегородской области. Ф. 993. Оп. 1. Д. 1: 1921 г. Материалы по организации Нижегородской археолого-этнологической комиссии. Годовая смета и отчет о работе. Опросные листы и анкеты членов комиссии. 144 л.

Литература

1. Пархоменко Т.А. Музеи дореволюционной России во внешкольном образовании (вторая пол. XIX–нач. XX в.) // Музей и власть: в 2 ч. М.: НИИК, 1991. Ч. 2: Из жизни музеев. С. 27–44.
2. Уткина Н.А. Нижегородский музейон: основание. История возникновения и деятельности музеев г. Нижнего Новгорода в 1860-х–1917 гг. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2017. 404 с.
3. Кузина Г.А. Государственная политика в области музейного дела в 1917–1941 гг. // Музей и власть: в 2 ч. М.: НИИК, 1991. Ч. 1: Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). С. 96–173.
4. Галай Ю.Г. Хранить истории следы. Охрана памятников истории и культуры на Нижегород. земле, 1917–1941. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1989. 154 с.
5. Грицкевич В.П. История музейного дела конца XVIII – начала XX вв. СПб.: СПбГУКИ, 2007. 335 с.

References

1. Parkhomenko T.A. Museums of pre-revolutionary Russia in extracurricular education (from the second half of the 19th to the early 20th century). In: *Muzei i vlast'* [Museum and Power]. Pt. 2: From the life of museums. Moscow, NIIK, 1991, pp. 27–44. (In Russian)
2. Utkina N.A. *Nizhegorodskii museion: osnovanie. Istoriya vozniknoveniya i deyatel'nosti muzeev g. Nizhnego Novgoroda v 1860-kh–1917 gg.* [Nizhny Novgorod Mouseion: Establishment. A History of the Origins and Development of Nizhny Novgorod's Museums from the 1860s to 1917]. Nizhny Novgorod, Izd. Nizhegorod. Gos. Univ., 2017. 404 p. (In Russian)
3. Kuzina G.A. State policy on museums in 1917–1941. In: *Muzei i vlast'* [Museum and Power]. Pt. 1: State policy and museum affairs (18th–20th centuries). Moscow, NIIK, 1991, pp. 96–173. (In Russian)
4. Galai Yu.G. *Khranit' istorii sledy. Okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury na Nizhegorodskoi zemle, 1917–1941* [Preserving the Traces of History. The Protection of Historical and Cultural Monuments in the Nizhny Novgorod Region, 1917–1941]. Gorky, Volgo-Vyatskoe Kn. Izd., 1989. 154 p. (In Russian)
5. Gritskevich V.P. *Istoriya muzeinogo dela kontsa XVIII–nachala XX vv.* [The History of Museum Studies from the Late 18th to the Early 20th Century]. St. Petersburg, SPbGUKI, 2007. 335 p. (In Russian)

Информация об авторах

Смолина Надежда Алексеевна, кандидат исторических наук, заместитель декана по научной и творческой работе Высшей школы искусств и дизайна (на правах факультета), Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

E-mail: smolina.na@unn.ru

Author Information

Nadezhda A. Smolina, Cand. Sci. (History), Associate Dean for Research and Creative Activities, Higher School of Arts and Design, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: smolina.na@unn.ru

Поступила в редакцию 20.08.2024

Принята к публикации 20.11.2024

Received August 20, 2024

Accepted November 20, 2024